

Вклад оправдания системы в социальную сплоченность

Агадуллина Е.Р.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Лавелина Д.Я.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Цель. Анализ вклада оправдания системы в социальную сплоченность.

Контекст и актуальность. Социальная сплоченность в России, как и во всем мире, снижает-ся, несмотря на ее благоприятное воздействие на общество. В рамках теории оправдания системы есть все основания предполагать связь оправдания системы и социальной сплоченности, но эмпирической проверки проведено не было.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между оправданием системы и разными уровнями социальной сплоченности. В исследовании использовались шкала оправдания системы и методики для измерения переменных межличностного доверия, интенсивности социального взаимодействия, открытости новому, социального участия, институционального доверия и легитимности институтов. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный анализ и моделирование структурными уравнениями (SEM).

Участники. 819 россиян (52% женщины) от 18 до 83 лет ($M = 37,7$; $SD = 10,7$).

Методы (инструменты). Русскоязычная версия шкалы оправдания системы Дж. Джоста. Модель социальной сплоченности Г. Боттони.

Результаты. Модель социальной сплоченности была успешно протестирована на российской выборке, но переменные макроуровня не могут быть разделены и не позволяют сформировать второй фактор модели по типу измерения (объективное и субъективное). Оправдание системы значимо предсказывает все уровни социальной сплоченности. Регрессионная модель показала, что чем больше люди склонны оправдывать систему в целом, тем больше они доверяют окружающим, вовлекаются в различные групповые взаимодействия и позитивно оценивают деятельность институтов.

Основные выводы. Оправдание системы значимо положительно предсказывает социальную сплоченность на микроуровне, мезоуровне и макроуровне.

Ключевые слова: оправдание системы; теория оправдания системы; социальная сплоченность.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Для цитаты: Агадуллина Е.Р., Лавелина Д.Я. Вклад оправдания системы в социальную сплоченность // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4. С. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140406>

The Contribution of the System Justification to Social Cohesion

Elena R. Agadullina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Daria I. Lavelina

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: davelina@hse.ru

Objective. Analysis of the contribution of the system justification to social cohesion.

Background. Social cohesion in Russia, as well as around the world, is declining, despite its beneficial impact on the society. In accordance with the System Justification theory, there is reason to assume a connection between the system justification and social cohesion, but no empirical verification has been carried out.

Study design. The study examined the relationship between the system justification and different levels of social cohesion. The study used the system justification scale and measurements of variables of interpersonal trust, density of social relationships, openness, social participation, institutional trust and legitimacy of institutions. The presence and nature of the relationship was verified through correlation analysis and structural equation modeling (SEM).

Participants. 819 Russians (52% of women) from 18 to 83 years old ($M = 37,7$; $SD = 10,7$).

Measurements. Russian-language versions of the scales of system justification by J. Jost. G. Bottoni's model of social cohesion.

Results. The model of social cohesion was successfully tested on a Russian sample, but macro-level variables cannot be separated and do not allow the formation of the second factor of the model by type of measurement (objective and subjective). System justification significantly predicts all levels of social cohesion. The regression model showed that the more people tend to justify the system, the more they trust others, get involved in various group interactions and positively evaluate the institutional activities.

Conclusions. The system justification significantly positively predicts social cohesion at the micro, meso and macro levels.

Keywords: system justification; system justification theory; social cohesion.

Funding. The reported study was funded by the Russian Federation Ministry of Science and Higher Education, grant agreement 075-15-2020-928.

For citation. Agadullina E.R., Lavelina D.I. The Contribution of the System Justification to Social Cohesion. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 4, pp. 89–104. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140406> (In Russ.).

Введение

Изучение общества связано с изучением его характеристик, среди которых социальная сплоченность является определяющей, без которой общество как таковое невозможно [4]. Высокая социальная сплоченность обычно рассматривается как позитивная черта социального устройства [33]. Она по-

зволяет смягчать бедность [31], больше инвестировать в общественную инфраструктуру, что в свою очередь снижает неравенство в доступе к медицинским услугам [11], а следовательно, и улучшает здоровье населения [13]. Сплоченность уменьшает неблагоприятные последствия стресса на психологическое и физическое состояние индивидов за

счет возможности получить социальную поддержку и уважение со стороны окружающих [22; 35], и в целом сплоченные общества считаются «сердечными» и лучше удовлетворяющими такие социальные потребности, как любовь, уважение и дружба [17]. С точки зрения политических решений повышение социальной сплоченности через увеличение гражданского участия в социальной, политической и экономической деятельности будет повышать благосостояние людей и способствовать их благополучию [16]. Именно из-за крайне благоприятного воздействия высокой социальной сплоченности на общество исследователи и политики обеспокоены его глобальным снижением [34]. Причины снижения социальной сплоченности политики и исследователи видят в глобализации, увеличении экономического неравенства [12], росте этнокультурного разнообразия, технологических изменениях, позволяющих людям быть менее привязанными к месту жительства, новых коммуникационных технологиях, изменяющих способ общения и выстраивания отношений [33], а также в переходе к современным постмодернистским западным обществам [18].

В настоящее время Россия характеризуется не только низкой сплоченностью, но и трендом на дальнейшую атомизацию общества [1]. Сравнительные исследования стран командой Ipsos поставили Россию на 19 из 27 мест в рейтинге по общему индексу сплоченности [14]. В этих условиях исследование социальной сплоченности становится крайне актуальным и значимым для лиц, принимающих решения в области внутренней политики страны.

Тем не менее у людей есть тенденция оправдывать систему и поддерживать статус-кво, даже если он им не выгоден.

Существуют разные варианты объяснения, почему люди оправдывают систему, но сам факт оправдания остается несомненным [30]. Теория оправдания системы (ТОС) использует это явление в качестве базового для объяснения всей системы социальных отношений [24]. В работе мы будем опираться на ТОС и рассмотрим ранее не изученный вклад оправдания системы в социальную сплоченность общества.

Социальная сплоченность

На данный момент в литературе не существует общепринятого понятия социальной сплоченности [10; 33], существующие же попытки измерить сплоченность не могут охватить весь смысл концепции и сводят социальную сплоченность к квазипонятию [41]. Одни авторы могут ограничиться использованием одной переменной (например, волонтерское участие) [37], другие постараются максимально охватить возможные проявления сплоченности (например, [1; 13]), третьи попробуют обратиться к существующим моделям или реализовать собственную [34]. В итоге разные подходы могут сойтись на том, что социальная сплоченность — это многомерная концепция, которая включает в себя социальные изменения, принадлежность, устойчивость и интеграцию людей [41].

Г. Боттони [10] предлагает многомерную модель сплоченности, которая включает исследование сплоченности на уровне отношений между отдельными людьми (микроуровень), между отдельными людьми и группами (мезоуровень) и между отдельными людьми и институтами (макроуровень). Внутри каждого из уровней подразумевается два вида измерений: субъективное и объективное. На уровне операционализации микроуровень включает межличностное доверие

(субъективное измерение) и интенсивность социальных взаимодействий (объективное измерение); мезоуровень — открытость (субъективное измерение) и социальное участие (объективное измерение); макроуровень — институциональное доверие (субъективное измерение) и легитимность институтов (объективное измерение). Модель отличается строгой теоретической схемой и дала хорошие результаты на данных шестой волны Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS).

В связи с тем, что социальная сплоченность может являться агрегированным показателем устойчивости социальной системы, ее структуры, доминирующих в обществе социальных процессов [1], особую актуальность приобретает изучение факторов, которые способствуют поддержанию сплоченности. Одним из таких факторов является оправдание системы — тенденция рассматривать существующие социальные отношения как естественные и справедливые, тем самым закрепляя и оправдывая существующее неравенство.

Роль оправдания системы в социальной сплоченности

Жизнь человека в обществе сопровождается его включенностью в систему социальных отношений, иерархий, институтов, норм и традиций, негласных договоренностей и стереотипов. В рамках ГОС оправдание системы является необходимым для удовлетворения базовых потребностей и мотивов человека [24]. Во-первых, система создает условия для жизни, уменьшает экзистенциальную угрозу и страдания, тем самым удовлетворяя потребность человека в безопасности. Во-вторых, система помогает человеку структурировать мир, дает ему объяснительные модели и облегчает процесс познания, что удовлетворяет эписте-

мологические потребности. В-третьих, она удовлетворяет реляционные потребности, так как позволяет разделить социальную реальность с другими людьми и управлять социальными отношениями, что является ключевым положением теории для данной работы. Вне зависимости от положения в обществе человеку в большей или меньшей мере свойственны все перечисленные потребности, что способствует оправданию им статуса-кво.

Некоторые размышления исследователей [24] приводят к предположению, что стремление к устойчивости системы, несмотря на ее изменения и несовершенства, будет сигнализировать о приверженности к социальной гармонии, а значит, и социальной сплоченности. Так, возможно, что оправдание системы способствовало чувству легитимности и общественному согласию, и что сообщества, в которых не было внутренних разобщающих конфликтов, вероятно, были более жизнеспособны.

Социальное и экономическое неравенство приводит к сегрегации между людьми [15], увеличивает социальную дистанцию, чем косвенно может разрушать социальную сплоченность [39]. Кроме того, растущее неравенство может оказывать влияние на сплоченность через негативное влияние на общее доверие, демократические установки и участие в политической жизни, которые в том числе являются показателями социальной сплоченности [17; 32].

Оправдание системы уменьшает восприятие несправедливости общественного неравенства (несовершенства системы) и подталкивает к противодействию движениям и общественным инициативам, направленным на снижение неравенства [26]. Исследования показывают, что люди, оправдывающие систему, активнее присоединяются к общественным

движениям, ее поддерживающим [23; 42]. Те же, кто не оправдывает систему, поддерживают протестные и неформальные объединения [29], однако неизвестно, является ли эта связь более сильной, чем участие при оправдании системы. Более того, оправдание системы тесно связано с субъективным миром человека. Оправдывая систему, человек корректирует восприятие мира, событий и даже себя [26], поэтому, возможно, у человека будет отличаться связь с объективной и субъективной социальной сплоченностью. В стремлении удовлетворить реляционные потребности человек может оправдывать систему и тем самым закрывать потребности субъективно, тогда как на самом деле это может быть результатом «ложного сознания», и объективные показатели сплоченности будут существенно отличаться. Поэтому мы предполагаем, что большее оправдание системы будет приводить к более высоким показателям социальной сплоченности и с субъективной составляющей связь будет сильнее, чем с объективной. Ранее такие связи не были в исследовательском фокусе и изучались только как косвенные или промежуточные [32] или были предположены лишь теоретически [24].

Метод

В исследовании приняли участие 819 жителей России (52% женщин; $M_{\text{возр}} = 37,7$; $SD = 10,7$). 52% выборки составляют люди с законченным высшим образованием. Подавляющая доля выборки представлена русскими — 92%. Доля жителей Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области составляет 21% от общего числа респондентов.

Методики:

Оправдание системы было измерено при помощи шкалы оправдания систе-

мы Дж. Джоста [38], адаптированной для российской выборки [8]. Данная шкала оценивает веру в естественность и неизбежность неравенства. Шкала включает 5 суждений, например, «Сегодня в России большинство людей довольны тем, что имеют». Респонденты оценивали свое согласие по шкале от 1 (абсолютно не согласен/а) до 9 (абсолютно согласен/а).

Субъективные показатели сплоченности

Для измерения *межличностного доверия* были взяты три вопроса из Европейского опроса ценностей (European Social Survey, ESS). Например, «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе?». Респонденты выбирали ответ по шкале от 1 (в большинстве случаев люди заботятся только о себе) до 11 (в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу).

Открытость также измерялась тремя вопросами из Европейского опроса ценностей (например, «Как Вы считаете, российская культурная жизнь подрывается или обогащается людьми, переехавшими жить в Россию из других стран?»). Респондент выбирал ответ по шкале от 1 (точно подрывается) до 11 (точно обогащается).

Институциональное доверие измерялось при помощи вопроса из Мирового опроса ценностей (World values survey, WVS) — «Ниже перечислены некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы доверяете каждому из них?». Респонденты оценивали степень доверия к восьми социальным институтам (например, правительство, судебная система, полиция и т.д.) по 4-балльной шкале от «Совсем не доверяю» до «Полностью доверяю».

Объективные показатели сплоченности

Частота взаимодействий измерялась двумя вопросами из Европейского опроса ценностей, один из них: «Как много людей в Вашем окружении (если такие есть), с кем Вы можете обсудить личные и интимные вопросы?». Респонденты отвечали на вопросы по шкале от 0 (таких людей нет) до 6 (таких людей очень много).

Для измерения *социального участия* респонденту требовалось ответить, делал ли он что-либо из перечисленного ниже за последние 12 месяцев («Да» или «Нет»). В предложенном респонденту списке были, например, следующие формы социального участия: контактировали с политиком, правительственным или местным должностным лицом, подписывали петицию, бойкотировали определенный продукт или услугу компании, были волонтером или работали в благотворительной организации, были вовлечены в работу какого-либо клуба по интересам.

Легитимность институтов исследовалась при помощи вопроса «В целом насколько Вы удовлетворены тем, как в России работает...?». Далее респонденту последовательно предлагалось шесть социальных институтов для оценки. Оценка производилась по шкале от 1 (абсолютно не удовлетворен/а) до 11 (абсолютно удовлетворен/а).

Контрольные переменные

Субъективный социально-экономический статус также измерялся при помощи вопроса из Мирового опроса ценностей — лестницы МакАртура [7; 40]: «Представьте себе лестницу, где на самом верху находятся наиболее успешные люди — те, у кого больше денег, лучше образование и самые престижные рабочие места. В самом низу находятся

люди в худшем положении, у которых мало денег, плохое образование и которые имеют непрестижную работу или являются безработными. Чем выше Вы находитесь на этой лестнице, тем ближе Вы к людям на самом верху, чем ниже Вы находитесь, тем ближе Вы к людям в самом низу». Респондентов просили определить свое положение на этой лестнице от 1 (в самом низу лестницы) до 11 (в самом верху лестницы).

Объективный социально-экономический статус оценивался через уровень дохода и образования. Доход измерялся при помощи вопроса «Каков примерно средний доход на человека в месяц в Вашей семье (с учетом зарплаты, пособий, выплат и иных возможных источников дохода)?». Респондентам предлагалось 15 опций, где первая опция предполагала доход менее 10000 рублей в месяц, вторая опция — доход от 10000 до 15000 рублей в месяц и т.д., последняя опция описывала доход более 200000 рублей в месяц.

Социально-демографический блок включал вопросы о гендерной принадлежности респондента, его возрасте, уровне образования, этнической принадлежности, религиозности и регионе проживания.

Результаты

Описательные статистики и анализ корреляций

Результаты первичной обработки данных представлены в таблице и демонстрируют, что все переменные анализа складываются в свои шкалы и имеют достаточную внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха). В целом все показатели социальной сплоченности коррелируют (коэффициент Пирсона) друг с другом, что свидетельствует о существовании единого конструкта. Исключением является переменная «социальное участие»,

которая отрицательно коррелирует с институциональным доверием ($r = -0,14$, $p < 0,001$) и легализацией социальных институтов ($r = -0,08$, $p < 0,05$), не связана с оправданием системы ($r = -0,03$, $p = 0,57$) и слабо связана с межличностным доверием ($r = 0,09$, $p < 0,05$).

Важно отметить, что субъективный социально-экономический статус связан со всеми показателями социальной сплоченности (как субъективными, так и объективными) (r от 0,16 до 0,41). Этот результат указывает на то, что субъективное позиционирование в социальной иерархии имеет важное значение для поддержания чувства сплоченности. При этом объективный социально-экономический статус (доход) связан только с объективными показателями сплоченности: частотой взаимодействия ($r = 0,18$, $p < 0,001$), социальным участием ($r = 0,17$, $p < 0,001$) и легитимностью институтов ($r = 0,08$, $p < 0,01$).

Тестирование модели проводилось при помощи моделирования структурными уравнениями (SEM) в Mplus версии 7.2 [28]. Все переменные, измерен-

ные более чем одним суждением, были вставлены в модель в качестве латентных, поскольку это позволяло лучше контролировать ошибки измерения. Для оценки качества модели использовались среднеквадратичная ошибка аппроксимации (RMSEA), индекс сравнительного соответствия (CFI), индекс Такера-Льюиса (TLI) и стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR) [21]. В тестируемой модели оправдание системы предсказывает социальную сплоченность на микро-, мезо- и макроуровне, объективный и субъективный социально-экономический статус добавлены в модель в качестве контрольных переменных.

Протестированная модель показала приемлемое соответствие данным, $\chi^2(387) = 1209,56$, $p < 0,001$, RMSEA = 0,061, 95% CI [0,057, 0,065], SRMR = 0,056, CFI = 0,92, TLI = 0,91. Анализ индексов модификации показал, что существуют неучтенные ковариации между суждениями в измерениях легитимизации (leg2 и leg3; leg4 и leg5) и институционального доверия (InstTr2 и

Таблица

Описательная статистика и интеркорреляции основных переменных

	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>a</i>	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Оправдание системы	4,21	1,87	0,91								
2. Межличностное доверие	3,99	2,32	0,69	0,31***							
3. Открытость	5,27	2,25	0,89	0,24***	0,28***						
4. Институциональное доверие	2,50	0,65	0,90	0,74**	0,31***	0,21***					
5. Частота взаимодействий	2,78	1,40	0,66	0,24***	0,34***	0,13***	0,25***				
6. Социальное участие	1,36	1,44	0,61	-0,03	0,09*	0,12***	-0,14***	0,11***			
7. Легитимность	4,38	2,21	0,92	0,76***	0,35***	0,24***	0,87***	0,25***	-0,08*		
8. Доход	3,17	1,90		0,10*	0,07	0,04	0,05	0,18***	0,17***	0,08*	
9. Самокатегоризация	4,16	1,61		0,24***	0,20***	0,15***	0,20***	0,24***	0,16***	0,24***	0,41***

Примечания: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$, *M* – среднее, *SD* – стандартное отклонение, *a* – альфа Кронбаха.

InstTr3; InstTr4 и InstTr5). Данные ковариации были добавлены в модель, так как относятся к внутренним связям внутри одного конструкта и могут отражать специфику восприятия индивидами вопросов. Например, ковариации между InstTr4 и InstTr5 (доверие правительству и парламенту) могут объясняться тем, что в целом граждане России слабо осведомлены о различиях в функциях данных институтов и могут «путать» или «объединять» их в своих представлениях [6].

Факторные нагрузки суждений в каждом компоненте социальной сплоченности показывают значимый вклад (p -value каждого суждения меньше 0,001). Самые низкие факторные нагрузки (от 0,35 до 0,52) характерны для измерения социального участия, что, вероятно, объясняет средние показатели согласованности данного конструкта и противоречивые связи социального участия с другими показателями социальной сплоченности. Среднее факторных нагрузок по остальным переменным составляет 0,78 со средней ошибкой $-0,02$.

Основные результаты модели представлены на рисунке. Как видно из представленных данных, оправдание системы, включающее в том числе преуменьшение и легитимизацию существующего уровня неравенства, последовательно предсказывает социальную сплоченность на микро-, мезо- и макроуровне. Чем выше оправдание системы, тем в большей степени респонденты считают, что в большинстве случаев люди стараются помогать и поддерживать друг друга, а также поддерживают близкие отношения с родными и друзьями ($B = 0,41, p < 0,001$). Кроме этого, оправдание системы вносит вклад в участие в политической или волонтер-

ской активности и открытость новому ($B = 0,30, p < 0,01$). Сильнее всего оправдание системы увеличивает доверие к различным социальным институтам и удовлетворенность их работой ($B = 0,86, p < 0,001$). В совокупности эти данные свидетельствуют о том, что восприятие системы напрямую связано с формированием отношений между отдельными людьми (микроуровень), отдельными людьми и социальными группами (мезоуровень) и между отдельными людьми и институтами (макроуровень). При этом вклад оправдания системы в макроуровень социальной сплоченности выше, чем вклад в микро- и мезоуровень.

Важно отметить, что при одновременном учете всех переменных в модели компоненты социальной сплоченности либо слабо (мезо- и микроуровень, микро- и макроуровень связаны друг с другом при уровне значимости $p < 0,05$), либо совсем не связаны друг с другом (мезо- и макроуровень). Этот результат свидетельствует о том, что социальная сплоченность может рассматриваться как единый конструкт, включающий содержательно разные компоненты.

Оценка контрольных переменных показала, что повышение субъективного социально-экономического статуса (самокатегоризация в социальной иерархии) увеличивает готовность поддерживать и оправдывать систему ($B = 0,35, p < 0,001$). Рост объективного дохода не связан с увеличением готовности оправдывать систему ($B = 0,21, p = 0,27$) и восприятием легитимности институтов ($B = 0,42, p < 0,001$), при этом он положительно связан с социальным участием ($B = 0,09, p = 0,01$) и частотой социальных взаимодействий ($B = 0,14, p = 0,008$) — объективными измерениями микро- и мезоуровня.

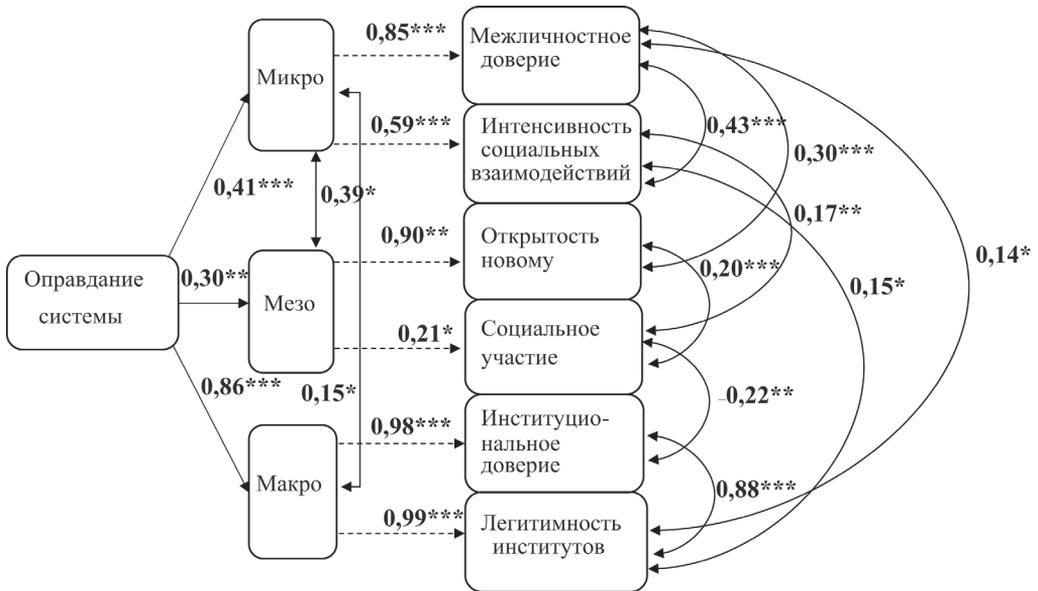

Рис. Схема модели и результаты ее тестирования: * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$, *** – $p < 0,001$

Обсуждение результатов

Результаты исследования показали, что оправдание системы вносит существенный вклад в микро-, мезо- и макроуровень социальной сплоченности. При этом мезоуровень сплоченности в меньшей степени связан с особенностями восприятия и поддержания существующего уровня неравенства в обществе.

Одно из возможных объяснений данного результата может быть связано с особенностями операционализации социального участия. Так, результаты исследования показали, что социальное участие в целом отражает крайне низкую активность людей: доля ответов об участии сильно меньше доли неучастия — только 19% респондентов сообщили о том, что они проявляют какую-то форму социальной или политической активности. Анализ результатов седьмой волны Мирового опроса ценностей (World Values Survey) [40] показывает,

что доля ответов, отражающих участие в аналогичных измерениях, для мира составляет 17%, для России — 5%. Таким образом, низкое социальное участие не является уникальным показателем для российской выборки (по крайней мере, в ситуациях, когда речь идет об используемом способе измерения данного конструкта). Вероятно, способы измерения социального участия требуют доработки и создания инструментария, способного более дифференцированно фиксировать особенности социальной и политической активности индивидов. Кроме того, небольшой вклад социального участия в сплоченность может свидетельствовать о том, что представления россиян о «единстве» остаются в плоскости ощущения и переживания, но не выходят в плоскость действий. Социально одобряемыми моделями поведения все еще остаются политика невмешательства и представления о «хате с краю» [3]. Идея «маленького

человека», от которого ничего не зависит, часто приводит к тому, что реальные действия людей могут быть не связаны с их представлениями о сплоченности или с уровнем оправдания системы. Для межличностных отношений и отношений человека и группы большой вклад вносят именно субъективные составляющие, тогда как измерения на макроуровне коррелируют так сильно, будто для самих людей нет разницы между доверием институтам и удовлетворенностью их работой. Таким образом, можно сделать вывод, что в России социальная сплоченность проявляется преимущественно субъективно: люди чувствуют связь друг с другом и доверяют государственным институтам, но это очень слабо связано с реальными действиями (объективными компонентами сплоченности).

При этом существенный вклад в субъективные компоненты сплоченности (в частности, уровни межличностного и институционального доверия) вносит готовность оправдывать статус-кво. Представление о том, что существующая система отношений между социальными группами оправдана и справедлива, а уровень неравенства в обществе низкий в силу «естественности» устоявшихся социальных отношений, приводит к увеличению доверия к различным социальным институтам. Оправдывая систему, человек реализует потребность в принадлежности к группе и обществу [20], в результате чего корректирует свое восприятие [25] в сторону формирования представлений об «общем» для всех видении мира. Именно это представление способствует поддержанию сплоченности на субъективном уровне, так как, с одной стороны, создает устойчивый фундамент для доверительных отношений между людьми и социальными институтами, а с другой стороны, преувеличивает роль со-

циальных институтов в поддержании системы и преуменьшает роль собственных действий. Социальные институты, в свою очередь, через массовые каналы распространения информации подчеркивают роль социальных институтов в поддержании стабильности и обеспечении безопасности [2], что способствует развитию социальной сплоченности вокруг увеличения доверия данным институтам [27].

Данные показывают, что представления индивидов о собственном положении в социальной иерархии существенно увеличивают поддержку системы и институциональное доверие. Это еще раз подтверждает значение субъективных переживаний в формировании доверия. Несмотря на то, что большинство людей переоценивают свое социальное положение [19], эта особенность восприятия трансформируется в поддержку системы и доверие институтам. Представление людей о самих себе часто основывается на результате социального сравнения, в процессе которого «позитивные отличия» от других групп позволяют поддерживать позитивную социальную идентичность [36]. Если существующая система социальных отношений позволяет индивиду «позитивно» отличаться от других людей, люди такую систему поддерживают и оправдывают.

Что касается объективных показателей социально-экономического статуса, то результаты указывают на то, что уровень дохода индивидов связан с социальным участием и частотой взаимодействий: люди, имеющие высокие доходы, в большей степени готовы участвовать в различных видах социальной активности и политической деятельности, а также поддерживать более «плотные» социальные связи. Эти данные в целом подтверждают, что высокий доход предоставляет людям больше свободы для дей-

ствий, не направленных напрямую на реализацию базовых потребностей, так как повышает их политическую самоэффективность (веру в то, что цели могут быть достигнуты) [5]. Таким образом, можно сделать вывод, что субъективные и объективные показатели экономического статуса в разной степени связаны с поддержанием социальной сплоченности.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы:

1. Оправдание системы, способствующее поддержанию и легитимизации существующего уровня неравенства, вносит значимый вклад в социальную сплоченность на микроуровне (отношения между индивидами), мезоуровне (отношения между отдельными людьми и группами) и макроуровне (отношение между индивидами и социальными институтами).

2. Оправдание системы сильнее всего связано с поддержкой различных социальных институтов и удовлетворенностью их работой и достаточно слабо связано с участием индивидов в различных формах социальной активности (например, политической или волонтерской деятельности).

3. Модель социальной сплоченности — сложного многомерного конструкта — с операционализацией Боттони была успешно протестирована на российской выборке, однако некоторые отличия от оригинальной модели показывают переменные макроуровня, которые не могут быть полноценно разделены и не позволяют сформировать второй фактор модели по типу измерения (объективное и субъективное).

Доход индивидов (объективный социально-экономический статус) значимо предсказывает объективные (поведенче-

ские) паттерны социальной сплоченности. Так, люди с высоким уровнем дохода в большей степени готовы принимать участие в волонтерской деятельности и политической активности. При этом представление человека о своем месте в социальной иерархии (субъективный социально-экономический статус) предсказывает и объективные, и субъективные показатели социальной сплоченности, внося существенный вклад в усиление межличностного и институционального доверия.

Одним из ограничений исследования выступает некоторое методико-теоретическое смешение, вызванное измерениями сплоченности на макроуровне, которые могут использоваться другими исследователями как самостоятельные измерения оправдания системы. Близость измерений, с одной стороны, подтверждает наше представление о глубокой связанности изучаемых явлений, но с другой — препятствует точной интерпретации полученных результатов. В дальнейшем необходимо проанализировать связь социальной сплоченности с другими социальными явлениями для повышения внешней валидности методики и уточнения выводов. Также более общее ограничение связано с индивидуальным уровнем анализа. Оправдание системы оценивается на уровне индивидуализма и является скорее индивидуалистической характеристикой, но социальную сплоченность можно измерять и на межгрупповом уровне, и на институциональном, что требует дальнейших методологических исследований по созданию нового инструментария. Также в будущих исследованиях необходимо провести кросс-культурные сравнения, которые позволят выделить контекстуальные факторы, влияющие на общие модели социальной сплоченности.

Литература

1. Божок Н.С., Зайцев Д.В., Кононенко Р.В., Красильников П.Н., Печенкин В.В., Суркова И.Ю., ... Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная сплоченность как категория темпорализма в контексте современности. М.: Вариант, 2017. 462 с.
2. Каминченко Д.И. Интернет-СМИ и социальные медиа: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Том 40. № 4. С. 417–430.
3. Курбангалеева Е.Ш. Гражданское общество и активизм: этапы, проблемы и развилки // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. М.: ВЦИОМ, 2021. Том 2. № 3(8). С. 5.
4. Подвойский Д.Г. И снова о формуле доверия: немного школьной теории // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. М.: ВЦИОМ, 2021. Том 2. № 1-2. С. 5–18.
5. Сариева И.Р. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2019. Том 12. № 64. DOI:10.54359/ps.v12i64.231
6. Штейнбух А.Г. О возможностях доверия между властью и обществом // СоциоДиггер. Ежегодник ВЦИОМ. М.: ВЦИОМ, 2021. Том 2. № 1-2. С. 62–63.
7. Adler N., Adler N.E., Epel E.S., Castellazzo G., Ickovics J.R. Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women // Health Psychology. 2000. Vol. 19. № 6. P. 586–592. DOI:10.1037/0278-6133.19.6.586
8. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights from Adapting the System Justification Scales // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. № 717838. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
9. Anderson C., Kraus M.W., Galinsky A.D., Keltner D. The Local-Ladder Effect: Social Status and Subjective Well-Being // Psychological Science. 2012. Vol. 23. № 7. P. 764–771. DOI:10.1177/0956797611434537
10. Bottoni G. Validation of a social cohesion theoretical framework: a multiple group SEM strategy // Quality & Quantity. 2018. Vol. 5. № 3. P. 1081–1102. DOI:10.1007/s11135-017-0505-8
11. Boxall A.M., Short S.D. Political economy and population health: is Australia exceptional? // Australia and New Zealand health policy. 2006. Vol. 3. № 1. P. 1–4. DOI:10.1186/1743-8462-3-6
12. Chan J., To H.P., Chan E. Reconsidering social cohesion: Developing a definition and analytical framework for empirical research // Social indicators research. 2006. Vol. 75. № 2. P. 273–302. DOI:10.1007/s11205-005-2118-1
13. Chuang Y.C., Chuang K.Y., Yang T.H. Social cohesion matters in health // International journal for equity in health. 2013. Vol. 12. № 1. P. 1–12. DOI:10.1186/1475-9276-12-87
14. Colledge M., Martyn C. Social cohesion is under assault globally. Ipsos. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipsos.com/en/social-cohesion-pandemic-age-global-perspective/> (дата обращения: 15.05.2023).
15. Côté S., Kraus M.W., Carpenter N.C., Piff P.K., Beermann U., Keltner D. Social affiliation in same-class and cross-class interactions // Journal of Experimental Psychology: General. 2017. Vol. 146. № 2. P. 269–285. DOI:10.1037/xge0000258
16. Delhey J., Dragolov G. Happier together. Social cohesion and subjective well-being in Europe // International Journal of Psychology. 2016. Vol. 51. № 3. P. 163–176.
17. Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., Ignác Z.S., Larsen M., Lorenz J., Koch M. Social cohesion and its correlates: A comparison of Western and Asian societies // Comparative Sociology. 2018. Vol. 17. № 3–4. P. 426–455. DOI:10.1163/15691330-12341468
18. Elchardus M., De Keere K. Social control and institutional trust: Reconsidering the effect of modernity on social malaise // The social science journal. 2013. Vol. 50. № 1. P. 101–111.
19. Evans M.D., Kelley J. Subjective social location: Data from 21 nations // International Journal of Public Opinion Research. 2004. Vol. 16. P. 3–38. DOI:10.1093/ijpor/16.1.3

20. *Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T.* Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30. № 6. P. 669–688. DOI:10.1521/soco.2012.30.6.669
21. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 1999. Vol. 6. № 1. P. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
22. *Jen M.H. et al.* Trustful societies, trustful individuals, and health: An analysis of self-rated health and social trust using the World Value Survey // *Health & place*. 2010. Vol. 16. № 5. P. 1022–1029. DOI:10.1016/j.healthplace.2010.06.008
23. *Jost J.T., Becker J., Osborne D., Badaan V.* Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. Vol. 26. № 2. P. 99–108. DOI:10.1177/0963721417690633
24. *Jost J.T., Sapolsky R.M., Nam H.H.* Speculations on the evolutionary origins of system justification // *Evolutionary Psychology*. 2018. Vol. 16. № 2. DOI:10.1177/1474704918765342
25. *Kay A.C., Friesen J.* On social stability and social change: Understanding when system justification does and does not occur // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. Vol. 2. № 6. P. 360–364. DOI:10.1177/0963721411422059
26. *Kay A.C., Zanna M.P.* A contextual analysis of the system justification motive and its societal consequences // *Social and psychological bases of ideology and system justification*. 2009. P. 158–181. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.007
27. *McCombs M., Valenzuela S.* *Setting the agenda: Mass media and public opinion*. England: Polity Press, 2020. 248 p.
28. *Muthén L.K., Muthén B.O.* *MPlus user's guide*. Seventh. Edition. Los Angeles, CA: Muthén & Muthén, 2012. 856 p.
29. *Osborne D., Jost J.T., Becker J.C., Badaan V., Sibley C.G.* Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action // *European Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 49. № 2. P. 244–269. DOI:10.1002/ejsp.2522
30. *Owumalam C.K., Rubin M., Spears R.* Is a system motive really necessary to explain the system justification effect? A response to Jost (2019) and Jost, Badaan, Goudarzi, Hoffarth, and Mogami (2019) // *British Journal of Social Psychology*. 2019. Vol. 58. № 2. P. 393–409.
31. *Phillips D.* Social cohesion, social exclusion and social quality // *ESPAnet Conference*, Copenhagen. 2003. P. 1–31.
32. *Rodriguez-Bailón R., Sánchez-Rodríguez Á., García-Sánchez E., Petkanopoulou K., Willis G.B.* Inequality is in the air: Contextual psychosocial effects of power and social class // *Current opinion in psychology*. 2020. Vol. 33. P. 120–125. DOI:10.1016/j.copsy.2019.07.004
33. *Schiefer D., Van der Noll J.* The essentials of social cohesion: A literature review // *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 132. № 2. P. 579–603. DOI:10.1007/s11205-016-1314-5
34. *Schmeets H., Te Riele S.* Declining social cohesion in the Netherlands? // *Social Indicators Research*. 2014. Vol. 115. № 2. P. 791–812. DOI:10.1007/s11205-013-0234-x
35. *Swerissen H., Crisp B.R.* The sustainability of health promotion interventions for different levels of social organization // *Health promotion international*. 2004. Vol. 19. № 1. P. 123–130. DOI:10.1093/heapro/dah113
36. *Tajfel H., Billig M.G., Bundy R.P., Flament C.* Social categorization and intergroup behavior // *European Journal of Social Psychology*. 1971. Vol. 1. № 2. P. 149–178.
37. *Taylor-Gooby P.* The civil society route to social cohesion // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2012. Vol. 32. № 7/8. P. 368–385. DOI:10.1108/01443331211249002
38. *Thompson E.P., Jost J.T.* Group-based dominance and opposition to equality as independent predictors of self-esteem, ethnocentrism, and social policy attitudes among African Americans and European American // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2000. Vol. 36. P. 209–232.

39. Van de Werfhorst H.G., Salverda W. Consequences of economic inequality: Introduction to a special issue // Research in Social Stratification and Mobility. 2012. Vol. 30. № 4. P. 377–387. DOI:10.1016/j.rssm.2012.08.001
40. World Values Survey: Round Seven — Country-Pooled Datafile Version 3.0. // Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds.). 2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>. (дата обращения: 15.05.2023).
41. Yassim M. The wicked problem of social cohesion: moving ahead // Journal of Social Marketing. 2019. Vol. 9. № 4. P. 507–521. DOI:10.1108/JSOCM-12-2018-0162
42. Yeung A.W.Y., Kay A.C., Peach J.M. Anti-feminist backlash: The role of system justification in the rejection of feminism // Group Processes & Intergroup Relations. 2014. Vol. 17. № 4. P. 474–484. DOI:10.1177/1368430213514121

References

1. Bozhok N.S., Zajcev D.V., Kononenko R.V., Krasilnikov P.N., Pechenkin V.V., Surkova I.YU., ... Yarskaya-Smirnova E.R. Sotsial'naya splochnost' kak kategoriya temporalizma v kontekste sovremennosti [Social cohesion as a category of temporalism in the context of modernity]. Moscow: Variant, 2017. 462 p. (In Russ.).
2. Kaminchenko D.I. Internet-SMI i sotsial'nye media: analiz informatsionnykh povestok dnya [Internet media and social media: analysis of information agendas]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaviya = Issues in journalism, education, linguistics*, 2021. Vol. 40, no. 4, pp. 417–430. (In Russ.).
3. Kurbangaleeva E.SH. Grazhdanskoe obshchestvo i aktivizm: etapy, problemy i razvilki [Civil society and activism: stages, problems and forks]. *SotsioDigger. Ezhegodnik VTsIOM [SocioDigger]*. Moscow: VCIOM, 2021. Vol. 2, no. 3(8), p. 5. (In Russ.).
4. Podvojskij D.G. I snova o formule doveriya: nemnogo shkol'noi teorii [And again about the formula of trust: a little school theory]. *SotsioDigger. Ezhegodnik VTsIOM [SocioDigger]*. Moscow: VCIOM, 2021. Vol. 2, no. 1-2, pp. 5–18. (In Russ.).
5. Sarieva I.R. Politicheskaya samoeffektivnost': teoreticheskie podkhody i aktual'nye issledovaniya [Political self-efficacy: theoretical approaches and current research]. *Psichologicheskie issledovaniya: elektronnyj nauchnyj zhurnal = Psychological Studies*, 2019. Vol. 12, no. 64. DOI:10.54359/ps.v12i64.231 (In Russ.).
6. Steinbuch A.G. O vozmozhnyakh doveriya mezhdru vlast'yu i obshchestvom [About the possibilities of trust between the government and society]. *SotsioDigger. Ezhegodnik VTsIOM [SocioDigger]*. Moscow: VCIOM, 2021. Vol. 2, no. 1–2, pp. 62–63. (In Russ.).
7. Adler N., Adler N.E., Epel E.S., Castellazzo G., Ickovics J.R. Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women. *Health Psychology*, 2000. Vol. 19, no. 6, pp. 586–592. DOI:10.1037/0278-6133.19.6.586
8. Agadullina E., Ivanov A., Sarieva I. How Do Russians Perceive and Justify the Status Quo: Insights from Adapting the System Justification Scales. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, no. 717838. DOI:10.3389/fpsyg.2021.717838
9. Anderson C., Kraus M.W., Galinsky A.D., Keltner D. The Local-Ladder Effect: Social Status and Subjective Well-Being. *Psychological Science*, 2012. Vol. 23, no. 7, pp. 764–771. DOI:10.1177/0956797611434537
10. Bottoni G. Validation of a social cohesion theoretical framework: a multiple group SEM strategy. *Quality & Quantity*, 2018. Vol. 5, no. 3, pp. 1081–1102. DOI:10.1007/s1135-017-0505-8
11. Boxall A.M., Short S.D. Political economy and population health: is Australia exceptional? *Australia and New Zealand health policy*, 2006. Vol. 3, no. 1, pp. 1–4. DOI:10.1186/1743-8462-3-6
12. Chan J., To H.P., Chan E. Reconsidering social cohesion: Developing a definition and analytical framework for empirical research. *Social indicators research*, 2006. Vol. 75, no. 2, pp. 273–302. DOI:10.1007/s11205-005-2118-1

13. Chuang Y.C., Chuang K.Y., Yang T.H. Social cohesion matters in health. *International journal for equity in health*, 2013. Vol. 12, no. 1, pp. 1–12. DOI:10.1186/1475-9276-12-87
14. Colledge M., Martyn C. Social cohesion is under assault globally. Ipsos. 2020 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.ipsos.com/en/social-cohesion-pandemic-age-global-perspective/> (Accessed 15.05.2023).
15. Côté S., Kraus M.W., Carpenter N.C., Piff P.K., Beermann U., Keltner D. Social affiliation in same-class and cross-class interactions. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2017. Vol. 146, no. 2, pp. 269–285. DOI:10.1037/xge0000258
16. Delhey J., Dragolov G. Happier together. Social cohesion and subjective well-being in Europe. *International Journal of Psychology*, 2016. Vol. 51, no. 3, pp. 163–176.
17. Delhey J., Boehnke K., Dragolov G., Ignác Z.S., Larsen M., Lorenz J., Koch M. Social cohesion and its correlates: A comparison of Western and Asian societies. *Comparative Sociology*, 2018. Vol. 17, no. 3–4, pp. 426–455. DOI:10.1163/15691330-12341468
18. Elchardus M., De Keere K. Social control and institutional trust: Reconsidering the effect of modernity on social malaise. *The social science journal*, 2013. Vol. 50, no. 1, pp. 101–111.
19. Evans M.D., Kelley J. Subjective social location: Data from 21 nations. *International Journal of Public Opinion Research*, 2004. Vol. 16, pp. 3–38. DOI:10.1093/ijpor/16.1.3
20. Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T. Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes. *Social Cognition*, 2012. Vol. 30, no. 6, pp. 669–688. DOI:10.1521/soco.2012.30.6.669
21. Hu L., Bentler P.M. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*, 1999. Vol. 6, no. 1, pp. 1–55. DOI:10.1080/10705519909540118
22. Jen M.H. et al. Trustful societies, trustful individuals, and health: An analysis of self-rated health and social trust using the World Value Survey. *Health & place*, 2010. Vol. 16, no. 5, pp. 1022–1029. DOI:10.1016/j.healthplace.2010.06.008
23. Jost J.T., Becker J., Osborne D., Badaan V. Missing in (collective) action: Ideology, system justification, and the motivational antecedents of two types of protest behavior. *Current Directions in Psychological Science*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 99–108. DOI:10.1177/0963721417690633
24. Jost J.T., Sapolsky R.M., Nam H.H. Speculations on the evolutionary origins of system justification. *Evolutionary Psychology*, 2018. Vol. 16, no. 2. 1474704918765342. DOI:10.1177/1474704918765342
25. Kay A.C., Friesen J. On social stability and social change: Understanding when system justification does and does not occur. *Current Directions in Psychological Science*, 2011. Vol. 2, no. 6, pp. 360–364. DOI:10.1177/0963721411422059
26. Kay A.C., Zanna M.P. A contextual analysis of the system justification motive and its societal consequences. *Social and psychological bases of ideology and system justification*, 2009, pp. 158–181. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.007
27. McCombs M., Valenzuela S. Setting the agenda: Mass media and public opinion. England: Polity Press, 2020. 248 p.
28. Muthén L.K., Muthén B.O. MPlus user's guide. Seventh. Edition. Los Angeles, CA: Muthén & Muthén, 2012. 856 p.
29. Osborne D., Jost J.T., Becker J.C., Badaan V., Sibley C.G. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 49, no. 2, pp. 244–269. DOI:10.1002/ejsp.2522
30. Owuamalam C.K., Rubin M., Spears R. Is a system motive really necessary to explain the system justification effect? A response to Jost (2019) and Jost, Badaan, Goudarzi, Hoffarth, and Mogami (2019). *British Journal of Social Psychology*, 2019. Vol. 58, no. 2, pp. 393–409.
31. Phillips D. Social cohesion, social exclusion and social quality. *ESPAnet Conference, Copenhagen*, 2003, pp. 1–31.

32. Rodríguez-Bailón R., Sánchez-Rodríguez Á., García-Sánchez E., Petkanopoulou K., Willis G.B. Inequality is in the air: Contextual psychosocial effects of power and social class. *Current opinion in psychology*, 2020. Vol. 33, pp. 120–125. DOI:10.1016/j.copsyc.2019.07.004
33. Schiefer D., Van der Noll J. The essentials of social cohesion: A literature review. *Social Indicators Research*, 2017. Vol. 132, no. 2, pp. 579–603. DOI:10.1007/s11205-016-1314-5
34. Schmeets H., Te Riele S. Declining social cohesion in the Netherlands? *Social Indicators Research*, 2014. Vol. 115, no. 2, pp. 791–812. DOI:10.1007/s11205-013-0234-x
35. Swerissen H., Crisp B.R. The sustainability of health promotion interventions for different levels of social organization. *Health promotion international*, 2004. Vol. 19, no. 1, pp. 123–130. DOI:10.1093/heapro/dah113
36. Tajfel H., Billig M.G., Bundy R.P., Flament C. Social categorization and intergroup behavior. *European Journal of Social Psychology*, 1971. Vol. 1, no. 2, pp. 149–178.
37. Taylor-Gooby P. The civil society route to social cohesion. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2012. Vol. 32, no. 7/8, pp. 368–385. DOI:10.1108/01443331211249002
38. Thompson E.P., Jost J.T. Group-based dominance and opposition to equality as independent predictors of self-esteem, ethnocentrism, and social policy attitudes among African Americans and European American. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2000. Vol. 36, pp. 209–232.
39. Van de Werfhorst H.G., Salverda W. Consequences of economic inequality: Introduction to a special issue. *Research in Social Stratification and Mobility*, 2012. Vol. 30, no. 4, pp. 377–387. DOI:10.1016/j.rssm.2012.08.001
40. World Values Survey: Round Seven – Country-Pooled Datafile Version 3.0. In Haerpfer C., Inglehart R., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E., Puranen B. (eds.). 2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp> (Accessed 15.05.2023).
41. Yassim M. The wicked problem of social cohesion: moving ahead. *Journal of Social Marketing*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 507–521. DOI:10.1108/JSOCM-12-2018-0162
42. Yeung A.W.Y., Kay A.C., Peach J.M. Anti-feminist backlash: The role of system justification in the rejection of feminism. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2014. Vol. 17, no. 4, pp. 474–484. DOI:10.1177/1368430213514121

Информация об авторах

Агадуллина Елена Рафиковна, кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента «Психология», ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Лавелина Дарья Яковлевна, бакалавр психологии, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории психологии социального неравенства, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Information about the authors

Elena R. Agadullina, PhD in Psychology, researcher, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1505-1412>, e-mail: eagadullina@gmail.com

Daria I. Lavelina, Bachelor of Psychology, Research intern of the Laboratory for Psychology of Social Inequality, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2816-7673>, e-mail: dlavelina@hse.ru

Получена 15.05.2023

Принята в печать 13.11.2023

Received 15.05.2023

Accepted 13.11.2023